

Трудность описания гнева – не только в лингвистике, но и в иных науках о человеке – состоит в размытости эмоциональной сферы. При этом лингвист должен учитывать принципиальную разницу двух типов единиц: с одной стороны, это слова-названия гнева и его проявлений, с другой – носители соответствующей эмоциональной окраски (инвективы, ругательства, проклятия и т.п.). Именно первую область – своего рода естественную терминологию языка в сфере эмоций, избирает предметом своей монографии А. Миколайчук.

Показав во Введении в контрастной и схематичной форме разницу двух конкурирующих, или, скорее, сменяющих друг друга направлений в семантике – структурного и когнитивного, – А. Миколайчук снимает это противопоставление, поскольку практика семантического анализа приводит ее к целесообразности применения обоих подходов в зависимости от характера объекта: структурного – там, где объектом выступает словообразовательная деривация или семантика предложения, и когнитивного – там, где речь идет о метафорических или семантически размытых явлениях. Уже из

вводных рассуждений становится ясно, что идеалом семантического анализа автор видит интегральное, но все же тяготеющее к когнитивному, описание, где ключевыми понятиями становятся понятия образа и языковой картины мира. Именно в этом направлении (от чисто структурного анализа – к описаниям, включающим культурный и познавательный аспекты), как справедливо полагает А. Миколайчук, эволюционировали работы таких авторитетов в этой области, как А. Вежбицка и Ю.Д. Апресян.

Само значение (вслед за Э. Табаковской) трактуется в духе когнитивной лингвистики – как концептуализация умственного опыта, как некое тождество с субъективной структурой понятия, – структурой, соответствующей нашему видению мира (с. 17). Такая трактовка лексического значения призвана не только выявить минимальные составные его компоненты, но и показать, как люди представляют понятие и как им пользуются. Этот подход отразился в работе и на более широком понимании метафоры и метонимии. В своем стремлении к интегрированию структурного и когнитивного под-

ходов в семантике А. Миколайчук во многом близка к теоретическим установкам (включая и принцип интегральности), провозглашаемым Ю.Д. Апресяном [Апресян 1999].

Содержательная часть книги восходит от общего к частному и состоит из шести глав: 2. Психологические и философские описания эмоций; 3. Лингвистическое исследование в сфере эмоций; 4. Общая характеристика лексико-семантической группы 'гнева' в польском языке; 5. Группа лексической основы *gniew*; 6. Группа лексической основы *złość*; 7. Метафорически-метонимическая концептуализация гнева в польском языке.

Во второй главе А. Миколайчук демонстрирует основные принципы и проблемы изучения эмоций (и в том числе гнева) в смежных науках о человеке – в исторической перспективе и современных исследованиях. Эта глава, несомненно, придает книге дополнительное измерение.

В третьей главе дан обзор основного спектра современных исследований европейских, и в том числе польских, лингвистов по семантике эмоций. Ключевые ссылки здесь даются прежде всего на работы А. Вежбицкой. Характеристики когнитивного направления представлены ссылками на труды З. Кёвечеша, Дж. Лакоффа, М. Джонсона, В. Крофта, других лингвистов, а в полонистике и славистике – Э. Табаковской, И. Новаковской-Кемпной. Для лингвистического описания понятий из сферы эмоций наиболее существенными аспектами называются, среди прочих, причина эмоции, ее предмет, глубина, оценка, длительность, связь с волей, связь с нормами, способы проявления (с. 47–52), и т.п. Значения, выявляемые через такие фильтры, понимаются не как зеркальное отражение действительности, а как ее интерпретация, зависящая от культурных и психологических факторов.

Четвертая глава, несмотря на сжатый объем, является принципиально важной частью работы, поскольку в ней очерчиваются критерии отбора и устанавливаются принципы анализа польского языкового материала. Важное место здесь принадлежит таблице частотности и взаимных дефиниций лексических основ данной группы в толковых словарях (с. 58). Двенадцать основ (*gniew*, *złość*, *obur*, *wzbur*, *wściek*, *furia*, *pasja*, *szal*, *irytacja*, *zdernew*, *rozdrażn*, *znieczep*), представляющих исследуемое семантическое поле, чаще всего толкуются лишь шестью единицами (*gniew*, *złość*,

zdernewowanie, *irytacja*, *rozdrażnienie*). При этом две из основ – *gniew* и *złość* – вместе со своими дериватами являются бесспорными доминантами по частотности. Теоретически важными следует признать предлагаемые А. Миколайчук критерии размещения основ от центра к периферии поля: 1) продуктивность; 2) частотность в роли толкователя иных основ; 3) отсутствие ограничений по сфере употребления, по территории или по шкале "современность – архаичность"; 4) эмоциональная однозначность (основы, обладающие семантическими признаками иных, помимо гнева, эмоций, отходят на периферию); 5) критерий "первого значения" (в центре – слова, обозначающие саму эмоцию, а не ее проявление или причину); 6) критерий связанности образа с проявлением эмоции, особенно полезный для анализа метафорических и метонимических единиц: *spurpurowieć* располагается ближе к центру, чем *zblednąć* (с. 61–62).

Пятая и шестая главы, самые значительные по объему, представляют собой образцы исчерпывающего анализа двух центральных лексических основ и их дериватов – *gniew* (21 лексема) и *złość* (30 лексем). Семантическая интерпретация лексического материала опирается на фундамент авторитетных словарей, картотек и баз данных, а также на обширную авторскую картотеку словоупотреблений. А. Миколайчук устанавливает оттенки значения, семантические ситуации, собственные каждой лексеме, облигаторные и факультативные синтаксические признаки. Так, только для глагола *gniewać się*, среди прочих, отмечены такие ситуативные конфигурации, как превосходство субъекта (субъект эмоции – тот, кто сердится / гневается – становится как бы "над объектом" своего гнева, будучи убежденным в своей власти, в праве на кару и на нарушение установленных норм); мнимая подчиненность объекта (в любовных отношениях); стремление сохранения контакта со стороны объекта; возможность предвидения и предупреждения эмоции у субъекта; отрицательная и положительная (в ситуациях типа "воспитатель – воспитуемый") оценка эмоции и тому подобное (с. 72–78, 83). Говоря о причине эмоции, обозначаемой данным глаголом, автор обнаруживает существенную связь этого семантического компонента с темпоральными характеристиками ситуации (с. 78–82). Обобщение семантико-ситуативных признаков, свойственных рассматриваемым лексемам, дается в конце глав.

Каждая лексема подвергается А. Мико-

лайчук "просеиванию" через различные фильтры с одной целью – установить все возможные оттенки значения. Особенности внешней демонстрации (мимика, крик, топание ногами) в сопутствующих контекстах у группы "*złość*" показывают спонтанный характер эмоции, обозначаемой этой лексемой, в отличие от группы "*gniew*". Употребление глагола *złościć się* преимущественно в форме третьего лица, а также отсутствие в ситуациях с этой лексемой вопросов к субъекту о его чувствах, приводит автора к предположению о "реляционном" характере этой лексики (в отличие от *gniewać się*) (с. 153–154). Именно такие наблюдения и выводы могут впоследствии служить ценным материалом контрастивных семантических исследований. Так, если обратить внимание на то, что существительное *gniew* в польском языке превосходит по частотности глагол *gniewać się*, уже элементарная языковая рефлексия подсказывает, что русский глагол *сердиться* (ближайший эквивалент указанному польскому) не обладает активным именным дериватом (*сердитость?*), в то время как *гнев*, *злость* и *злоба* являются носителями иной, отличной семантики. Это, безусловно, не может не отражаться на их значимостях в парадигматике и их значениях в синтагматике, или, иными словами, на фрагментации двух языковых картин мира.

Седьмая глава, завершающая аналитическую часть монографии, посвящена классификации и интерпретации метафоры, метонимии, а также гибридного переноса, называемого в работе вслед за Л. Гусенсом метафтонимией. А. Миколайчук выделяет несколько типовых образов, реализующих различными способами польскую языковую картину гнева: образ *сосуда*, с вектором движения "верх-низ" (*gniew, złość, wściekłość // rośnie, narasta, podnosi się, opada; X wylewa złość z siebie*); образ *физической боли* или *причинения таковой* (*X odgryzł się X-owi za Z, jakby go osa, mucha ugryzła/ukąsila*); образ *болезни* (*X jest chory ze złości, X dostał konwulsii gniewu, żółć go zalewa, cholera go bierze; X dostał ataku furii*); образ *опасного животного* (*ktos się naindyczył, zacietrzewił, jest zły jak osa/ jak wilk/ jak kotka; jest wściekły jak dzikie zwierzę*); образ *борьбы с* (внутренним) *противником* (*X walczy z gniewem, X opranował gniew, Złość opranowała X-a*); образ *чёрта и некла* (*X ma piekło w domu, diabeł w niego wstąpił, wściekły jak sto diabłów / jak lichy*); *ненастной погоды* (*Y ściągnał na swoją głowę*

burzę, X ma błyskawice gniewu w oczach, X ciska pioruny gniewu), образ *огня и горячего* (*X wybuchł ogniem złości, oburzenie wygasa, gniew X-a zetnął*); образ *воды-моря* (*fala gniewu, przypływ złości*). В сущности, сама по себе тематическая классификация метафор дает лишь основания к выявлению базовых закономерностей, как это сделано, к примеру, Н.Д. Арутюновой в этюде о метафоре в языке чувств [Арутюнова 1998: 385–402], впервые опубликованном почти тридцать лет назад. Стремясь продвинуться с этого порога, А. Миколайчук выходит за пределы собственно польского языкового материала, беря в качестве контрастивного фона наблюдения Дж. Лакоффа, З. Кёвечеша, А. Вежицкой об отражении в английском и польском языках соответственно черт "англо-американского" и польского менталитета. Можно сказать, что если в главах, посвященных "портретам лексем", мы видим взаимодополнение лингвистических методов собственно в семантике, то в "портретах метафор" есть признаки смещения акцента в область, определяемую как *этносемантика* – в расширительном, междисциплинарном смысле [Ольшанский 1998: 21]. А. Миколайчук приходит к заключению, что понятие гнева не обладает универсальным образным воплощением, несмотря на то, что большинство образов все же реализуются в обоих языках (особенное сходство А. Миколайчук усматривает в реализации образа огня). Существенные качественные и количественные различия обнаруживаются в реализации следующих образов: *болезни, чёрта и некла, гнева как противника*. Не находя у З. Кёвечеша упоминаний о связи образа *болезни* с гневом в английском языке (при наличии такой связи у выражений, обозначающих страх, любовь, стыд, грусть), А. Миколайчук обращает внимание на большой удельный вес метафор на базе именно этого образа в польском языке (с. 238). Еще одно существенное наблюдение А. Миколайчук: в отличие от английского, где лексика гнева не содержит аксиологического компонента, польский язык дает многочисленные примеры оценки гнева (чаще всего отрицательной – как при словах *złość, wściekłość, furia*, но также и положительной – у слов *gniew* и *oburzenie*). Релевантность образа гнева *как противника* в лексиконе и фразеологии английского языка и, наоборот, слабая его представленность в польском связывается с двумя различными языковыми картинками, в которых отразились два типа ментальности. Ссылаясь на З. Кёвечеша и А. Вежицкую, автор приво-

дит такие отражаемые в языке ментальные стереотипы носителей английского языка, как флегматизм, самообладание, дистанция, сдержанность, контроль над эмоциями и повышенное внимание к игре человеческой воли. Полякам же приписываются спонтанность, сердечность, легкость завязывания контакта, а также чувствительность к событиям "нежеланным" и к их воздействию на отдельного человека. В своих заключениях относительно образов гнева в польском и английском языках А. Миколайчук приходит к косвенному подтверждению этих стереотипов в данной лексико-семантической сфере. Англо-американский тип личности делает упор на волевом контроле над эмоциями, трактуемыми как "препятствия в деятельности идеального рационального человека", и именно этим, по мнению А. Миколайчук, объясняется такая существенная разница (в пользу английского) масштабов образа гнева *как противника* в обоих языках (с. 239). Следует при этом указать на взвешенность и осторожность авторских суждений там, где они выходят за пределы чистой лингвистики.

Возвращаясь к методологическим принципам, лежащим в основе аналитической части, заметим, что при всей своей симпатии к школе Вежбицкой, А. Миколайчук избегает описания смыслов в семантических примитивах, дающих, по определению самой А. Вежбицкой, "выход из (металингвистического) Вавилона" [Wierzbicka 1997: 23], а применяет в качестве метаязыка язык обыденный, что, во-первых, делает монографию доступной широкому кругу читателей, а во-

вторых, свидетельствует о становлении эпистемологии самого жанра, о процессе "конструирования предмета исследования и выбора адекватного ему метода" [Фрумкина 1996: 59]. А. Миколайчук пишет, соображаясь прежде всего с характером материала и поставленной задачей – в с е с т о р о н - н е г о о п и с а н и я отдельной лексико-семантической группы.

Исходя из всего сказанного, книге польской исследовательницы можно с уверенностью предсказать высокий индекс цитируемости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю.Д. 1999 – Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // ИАН СЛЯ. 1999. № 4.
- Арутюнова Н.Д. 1998 – Язык и мир человека. М., 1998.
- Ольшанский И.Г. 1998 – Этно(психо)семантика и национально-культурное своеобразие языков // Проблемы этносемантики. Сборник научно-аналитических обзоров. М., 1998.
- Фрумкина Р.М. 1996 – "Теории среднего уровня" в современной лингвистике // ВЯ. 1996. № 2.
- Wierzbicka A. 1997 – Understanding cultures through their key words. English, Russian, Polish, German, and Japanese. N.Y.: Oxford, 1997.